

EVGENIY YABLOKOV (ЕВГЕНИЙ ЯБЛОКОВ)

<https://orcid.org/0000-0002-7926-1689>

БУЛГАКОСОФИСТИКА

«Вечный Дом» Михаила Булгакова, ред. М. Ю. Савельева, Т. Д. Суходуб, Г. Е. Аляева, Центр гуманитарного образования НАН Украины, Общество русской философии при Украинском философском фонде, Киев 2021, 628 с.

«Вечный Дом» Михаила Булгакова, как объявлено в аннотации сборника, «охватывает анализ» (с. 4) разных аспектов деятельности и биографии писателя, то есть вроде бы литературоведческий. Между тем поставленный на книге индекс УДК относит ее к категории «история философии». Причина в том, что этот сборник — шестой в серии «Киевомышление», а она производится специалистами в области философских наук, и почти половина участников «Вечного Дома» — доктора и кандидаты тех же наук. Поэтому да простят меня коллеги-литературоведы — об их статьях в основном умолчу. Не потому, что они неинтересны или одинакового качества (есть среди них хорошие, есть и плохие), — просто тем, кто занимается творчеством Булгакова, почти все эти авторы достаточно хорошо известны¹. А вот читать сочинения украинских эссеистов с философскими учеными степенями раньше не доводилось; хотя по текстам их российских коллег знаю, что писания философов (назовем их так) на литературные темы — тексты особого рода. И «Вечный Дом» вполне это подтверждает.

¹ Например, многие из них участвовали в двух сравнительно недавних петербургских сборниках: *М. А. Булгаков: pro et contra, антология*, сост. О. В. Богданова, РХГА: Санкт-Петербург 2021. 992 с.; *Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: диалог с современностью: коллективная монография*, сост. и отв. ред. О. В. Богданова, РХГА, Санкт-Петербург 2020. 653 с.

Начнем с того, что непонятна жанровая природа книги: то ли это сборник научных статей, то ли свод лирических монологов на околобулгаковские темы — имеются тексты обоих типов. Неясна также целевая установка: некоторые статьи появились давно и теперь републикованы, другие же написаны специально для «Вечного Дома». Неоднозначно и заглавие. Составители, видимо, стремились «сделать красиво», но дело в том, что похищенное из романа *Мастер и Маргарита* сочетание «вечный дом» оценочно двойственно: при всей романтической возвышенности в нем просвечивают «могильные» коннотации. Между прочим, одна из соавторниц, Марина Савельева, пишет про подвал мастера, что это «подземное» место — «промежуточное пребывание на пути к “вечному Дому”» (с. 301). Зачем же дали сборнику заглавие с хтоническим оттенком? Станный какой-то образ для коллективного труда, тем более в сочетании с забавным названием серии — «Киевомышление».

Еще страннее становится, когда вникаешь в арифметические подробности. Из 620 страниц книги пятьсот отведено под статьи шестнадцати авторов (в среднем по тридцать на душу), зато 120 страниц занимают *четыре текста одного автора* — упомянутой Марины Савельевой. Как говорится, своя рука — владыка. Имя обладательницы этой руки раньше мне не было известно, но после ее четырехактного булгакософствования запомнится надолго. Стил в целом можно охарактеризовать так: бездоказательные рассуждения при неважном знании материала, к тому же с множеством речевых, грамматических и прочих ошибок.

Сперва идет написанное г-жой Савельевой введение под вызывающим некоторую оторопь заглавием «*С вами сейчас будет говорить провинция...*» (с. 5). Основу этого текста составляют домыслы про некую особую «провинциальность» Булгакова (с. 7–9), а также про какую-то «провинциальность стиля» (с. 13). Забегая вперед, скажу, что в дальнейшем автор не подкрепит эти идеи ничем. Так же обстоит дело с пресловутым «киевомышлением»: провозгласив, вслед за Мироном Петровским, что родной город присутствует во всем творчестве Булгакова — «покинутый в момент наименьшей известности своей судьбы (?! — Е.Я.), Киев остался в сознании писателя не только нравственным приговором, но и сюжетным и мировоззренческим алгоритмом создания всех его произведений» (с. 9), — г-жа Са-

вельева не приведет никаких аргументов, только в связи с *Белой гвардией* опять процитирует того же Петровского (с. 98).

Непосредственно за введением следует ее же статья *Человек и власть в утопиях Михаила Булгакова*. Утопиями г-жа Савельева почему-то считает *Роковые яйца* и *Собачье сердце*, хотя, например, в *Философской энциклопедии* утопия определяется как «изображение идеального общественного строя [...] либо [...] проекта социальных преобразований, ведущих к его воплощению в жизнь»² — ничего подобного в булгаковских повестях нет.

В статье немало интересного даже в чисто языковом плане. Например, сообщено, что «в основе создания характера персонажей писатель клал не общественную значимость, а личную ценность» (с. 35). Вызывает недоумение пассаж, где автор сперва пишет, что в рецензии на *Дни Турбиных* Владислав Ходасевич «выступил изобличителем большевицкого “нутра” Булгакова» (с. 28), затем на двух страницах приводит текст этой самой рецензии (с. 28–30), после чего «объясняет»:

Конечно, можно было бы рассматривать поступок Ходасевича как своеобразную услугу и, навязав ему собственную интерпретацию социальной позиции писателя. И этому вполне можно было бы поверить, будь у них крепкая дружба. Но этого не было, и появление столь обширной апологетической рецензии наверняка должно было насторожить писателя (с. 30).

Вот и поди пойми, ругал или хвалил, — да и вообще пойми хоть что-нибудь... Даже в цитатах из Булгакова г-жа Савельева допускает ошибки. Раздел назван *«Великие усилия стать беспристрастно (подчеркнуто мной — Е.Я.) над красными и белыми...»* (с. 15), но дело в том, что во фразе из письма Булгакова советскому правительству от 28 марта 1930 г. стоит слово «бесстрастно».

Особенно много внимания уделено *Собачьему сердцу*. Автор без затей пересказала выдумки Елены Степанян, про которую мне доводилось писать более десяти лет назад³. Вслед за ней г-жа Савельева заявляет, будто профессором Преображенским руководит «идея» (с. 41), во имя которой он ставит экспери-

² Э. Араб-Оглы, *Утопия и антиутопия // Новая философская энциклопедия*. Мысль, Москва, т. 4, 2010, с. 152.

³ См.: Е. Яблоков, *Беспокойное «Собачье сердце», или Горькие плоды легкого чтения*, «Октябрь» 2010, № 3, с. 166–177.

мент — «сознательно играет с силами природы, пытается стать выше природы, исправлять то, что принимает за ее “ошибки”» (с. 36). Текст повести она знает нетвердо, иначе помнила бы запись Борменталья: «[...] постановка опыта [...] для выяснения вопроса о приживаемости гипофиза, а в дальнейшем — о его влиянии на омоложение организма у людей»⁴. Вот и вся «идея», не более того. А что касается «исправления ошибок природы» — интересно бы знать: пользовалась ли когда-либо г-жа Савельева услугами какого-нибудь врача? И если да — осознавала ли в тот момент, что сама вознамерилась стать «выше природы» и «исправить то, что принимает за ее ошибки»? Ибо в этом вообще-то суть медицины...

По Степанян и Савельевой, Преображенский — обыватель (с. 48), «раб квартирного вопроса» (с. 43), притом ему свойственны «алчность, надменность и грубость» (с. 48). А вот Шариков «не настолько опасен, как кажется, [...] нет в нем леденящего смертного начала, перед которым должен трепетать мир» (с. 44), — душитель котов с револьвером для отважной г-жи Савельевой ближе, чем профессор с микроскопом. Про Швондера же вообще практически не говорится, его роль (как и роль тех, кто за ним стоит) считается несущественной. С таким идейным багажом философ Савельева долго рассуждает на всякие отвлеченные темы, вроде того что лучше бы Преображенскому не умничать, ибо тяга к знанию — штука дьявольская (с. 38), недаром «все мастера неминуемо оказываются в сумасшедшем доме или на кладбище» (с. 55). Видимо, мы должны сделать вывод, что «не-мастерам» удастся избежать столь печального исхода...

Справедливости ради замечу, что примерно такие же мысли высказывает в сборнике литературовед Рита Джулиани. По ее мнению, Преображенский «бросает вызов гармонии и мудрости созданного мира», его эксперимент — «жестокое и рискованное предприятие», вследствие которого на свет появляется «грубое и примитивное и в то же время беззащитное существо» (с. 369). Булгаков-де был «чуток к проблеме употребления и злоупотребления наукой», а злоупотребляет ею как раз Преображенский: «[...] природа, жизнь — святы и неприкосновенны, и человеку не дано проникать в тайну их становления, разве что ценой насилия и риска создавать такие чудовища, как человека-собаку»

⁴ М. Булгаков, *Собрание сочинений в восьми томах*, т. 2, АСТ: Астрель, Москва 2008, с. 199.

(с. 373). Одним словом, долой медицину, а вина за все фокусы тоталитарного режима лежит на ученых. Между тем очевидно, что за разгул Шарикова и ему подобных ответственны те же, кто, например, в повести *Роковые яйца* расплодил «драконов» вместо кур: прежде всего — деятели «из Кремля», снабдившие невежественного Рокка «бумагой»⁵, по которой он реквизирует камеры, созданные благодаря случайному открытию Персикова.

А вот г-жа Джулиани провозглашает, что главное зло воплощает Преображенский — он-де склонен не только фабриковать монстров, но и манипулировать ими:

[...] это всего лишь несчастные гибриды, на пути которых в любую минуту может стать некий циничный Филипп Филиппович, который, как злодей-кукольник, будет дергать их за ниточки, предопределив тем самым их дальнейшую судьбу (с. 374).

Вот кто, оказывается, всем управляет! Попутно она выдает поистине смехотворную интерпретацию комедии Маяковского *Клоп*, переворачивая всё в ней с ног на голову: «[...] между “старым”, воплощенным в клопе, и “новым” — в Присыпкине, который под видом настоящего коммуниста прячет сердце филистера, лучше старое: клоп!» (с. 375). На это и возражать уже не хочется; но могу представить реакцию самого Маяковского, если б он услышал, что в его комедии клоп противопоставлен Присыпкину как положительный персонаж...

Однако не спешите расслабляться — впереди еще сотня страниц г-жи Савельевой. Ее третий опус — *Душа русской усобицы* — трактует про «параллели гражданских позиций» (с. 69) Булгакова и Волошина, которого она запросто именуется Максом. Сперва идут глубокомысленные рассуждения про то, чем гражданская война отличается от усобицы (с. 70–76), причем «усобицу» в *Белой гвардии* г-жа Савельева представляет, в частности, так: «Тревожно расширенные зрачки принявшего морфинную дозу заглушить боль от раны...» (с. 75); возникает у нее и какой-то «военный врач полковник Алексей Турбин» (с. 94), хотя у Булгакова врач не является полковником, а полковник — врачом. Идут замысловатые фразы про войну: «[...] покончив с открытыми военными действиями, война переходила в скрытое состояние» (с. 88); «их [Волошина и Булгакова — Е.Я.] отношение

⁵ Там же, с. 100–101.

к войне и манере ее понимания трудно назвать единомышленными» (с. 88); «Булгаков был настойчив в том, что гражданская война не дает возможности услышать в тишине собственную мысль» (с. 89); «гражданская война есть состояние крайнего отчуждения, проходящего тараном в первую очередь по семьям» (с. 89); «Булгаков, в отличие от Волошина, описывал военное истребление людей документально» (с. 90); «Волошин был старше Булгакова [...] на целое поколение, успевшее изрядно поколесить за пределами родины» (с. 91); «Чем сильнее художественный вымысел писателя, тем точнее он определен топографически, по рукам и ногам связан и обязан предметной реальной, иногда даже гиперреальной, субстанциально плотной средой» (с. 97). И далее в таком духе.

Характерен финал статьи, где г-жа Савельева резюмирует:

[...] Максимилиан Александрович и Михаил Афанасьевич стояли на известной позиции, согласно которой каждому дано по его вере. И действительно — как-то всё у них в конце концов складывалось (с. 100).

Затем она пытается подчеркнуть сходство заключительного монолога Маргариты и стихотворения Волошина, обращенного к жене; да вот беда — «объясняющая» фраза по неграмотности построена так, что волошинский фрагмент приписан Булгакову и наоборот (с. 100). Этой путаницей текст и завершается.

Апофеозом рассуждений г-жи Савельевой являются откровения про роман *Мастер и Маргарита*, тоже в особой статье. Не буду изнурять и так уже небось утомленного читателя разбором этого семидесятистраничного текста. Но в порядке рекламы скажу, что глубокомыслие тут достигает особо высокого градуса. Вот несколько суждений: «Мастер, если и герой, то “не своего времени” и уже потому не может быть кем-то еще, кроме себя самого» (с. 293). Импрессионизм, по версии г-жи Савельевой, возник оттого, что «у многих художников были проблемы со зрением; отсюда и вся эта эфемерность, размытость, дымчатая загадочность и перетекание видимого в кажущееся. [...] И кто знает, не шел ли Булгаков тем же путем, отыскивая нужные образы в морфинистском бреде?» (с. 317). «Мастер любит копаться в себе, а Иешуа о себе не думает» (с. 324). «Дальше силится подозрение» (с. 327) — это такая отдельная фраза. «Встретив Мастера, силы ее [Маргариты — Е.Я.] характера оказалось недостаточно» (с. 336). «Пилат не только не ведает о местных ре-

лигиозных сентиментализмах, но и в целом не верит в богов» (с. 342). Ну и наконец — про Булгакова: «Он во всем стремился видеть личную нужду и удовлетворение. Поэтому у него не получалось всегда достигать цели. Он писал много, но не воспринимался официальным мнением» (с. 352).

А теперь — самое интересное. Марина Савельева не просто заполнила своими писаниями 120 страниц. В выходных данных указано, что она самолично *сверстала* книгу, сделала *макет обложки* да к тому же изобразила собой *корректора* (с. 626). Про макет и верстку говорить не стану, но так называемая «корректур» ниже всякой критики: у самой г-жи Савельевой ошибки чуть ли не на каждой странице — верстальные, пунктуационные, грамматические, речевые, порой даже орфографические.

На ее фоне булгакологические штудии других философов смотрятся, конечно, не столь эффектно, но интересного все же немало. Вот, например, статья трех авторов — двух докторов (Григория Волынки и Натальи Мозговой) и одного кандидата (Владимира Дорошкевича) философских наук под названием *Хронотоп последней пьесы М. А. Булгакова «Батум»*. Самое интересное в ней то, что авторы не знают значения термина «хронотоп». Речь тут вовсе не про время-пространство драмы, а про биографию дяди драматурга — Николая Ивановича Булгакова, служившего в тифлисской семинарии; авторы так и говорят: «[...] его судьба будет одним из главных объектов нашего интереса» (с. 466), — а в финале сообщают, что «задумались над духовным взаимовлиянием в хронотопе творческих личностей» (с. 485). Составителям сборника, видно, тоже невдомек — иначе приняли бы меры, чтобы исправить смехотворную ошибку.

Еще два доктора философских наук — Вера Лимонченко и Виктор Малахов — высказываются (не вместе, а порознь) о Булгакове в свободном стиле. То есть перепархивая с пятого на десятое, излагая субъективные впечатления и, соответственно, не затрудняясь аргументацией. Первая в статье «*Чистые*» и «*нечистые*» в *мире советского опыта* почему-то сопоставляет произведения Булгакова с бодлеровскими *Цветами зла*; второй в статье *Онтология дома: размышления по мотивам творчества Михаила Булгакова* рассуждает всё больше о Хлебникове. Почему? Ну, видно, потому, что им так хочется.

Наконец, последняя (по порядку, но не по значению) представительница философской когорты — и, кстати, одна из составительниц сборника — кандидат наук Татьяна Суходуб. В статье с многообещающим заголовком *Только через страдание приходит истина...* читателя заставляют страдать при помощи таких вот фраз: «[...] уметь философски мыслить — это еще не значит умело выстраивать силлогизмы, так как последнее является сутью иным умением» (с. 506). Отказываясь от силлогизмов, автор прибегает к возвышенному стилю: «[...] для того, чтобы мочь “играть”, звездам нужно быть укрытыми “черным небом”» (с. 510); до Гоголя и Булгакова «преступно не дорастать», а гоголевские и булгаковские герои «характерны для человека вообще как некоего типа» (с. 527). Тут же сообщено, что Булгаков мечтал быть укрытым «гранитной шинелью» Гоголя (с. 526), — хотя в письме к Павлу Попову от 30 января 1932 г. он, обращаясь к Гоголю, восклицал: «Укрой меня своей *чугунной* шинелью!»⁶ [курсив мой — Е.Я.]. И так далее, и тому подобное.

Есть у г-жи Суходуб еще один текст в сборнике — общее заключение под оптимистичным названием *Меч исчезнет, а вот звезды останутся...* Здесь всё, в общем, в том же стиле: говорится про читателей, следующих «за Мастером, выписывающим свое прозрение судеб страны» (с. 613); про то, что «все чаще творчество Булгакова рассматривается не только в контексте анализа содержания внутренних его форм, но идет и по внешним контурам» (с. 614). Ну и, само собой, про звезды из *Белой гвардии* — мол, не худо бы нам всем «вглядеться [...] в их свет повнимательней» (с. 618). Что ж, взглядимся напоследок. Жаль, не ведает г-жа Суходуб, что звезды в булгаковском романе не только *небесные* (причем как христианские — атрибут «всенощной»⁷, так и языческие — Венера и Марс⁸), но к тому же *красноармейские* («тучей, говорят, идут»⁹), а еще — *сифилитические*: вспомним «звездную сыпь»¹⁰ на груди Ивана Русакова. В какие будем вглядываться?

⁶ Там же, т. 8, с. 147. Справедливости ради стоит заметить, что стоявшая с 1909 до 1951 г. в Москве на Пречистенском (ныне Гоголевский) бульваре статуя Гоголя работы Николая Андреева отлита не из чугуна, а из бронзы; но уж никак не каменная.

⁷ Там же. Т. 1, с. 347.

⁸ Там же, с. 32, 344–345.

⁹ Там же, с. 336.

¹⁰ Там же, с. 173.

RECENZJE

Это всего один из десятков и сотен вопросов, возникающих на почве булгаковского статей в «Вечном Доме». Однако задавать их неохота — по вышеизложенным причинам.

Декабрь 2021 г.

REFERENCES

- Arab-Ogly, Edvard. "Utopiya i antiutopiya." *Novaya filosofskaya enciklopediya*. Т. 4. Moskva: Mysl', 2010: 152 [Араб-Оглы, Эдвард. "Утопия и антиутопия". *Новая философская энциклопедия*. Т. 4. Москва: Мысль, 2010: 152].
- Bulgakov, Mihail. *Sobranie sochinenij v vos'mi tomakh*. Moskva: AST; Astrel', 2007–2011 [Булгаков, Михаил. *Собрание сочинений в восьми томах*. АСТ; Астрель, Москва 2007–2011].
- М. А. Bulgakov: *pro et contra, antologiya*. O.V. Bogdanova (Ed.). Sankt-Peterburg: RHGA, 2021. [М. А. Булгаков: *pro et contra, антология*. Сост. О. В. Богданова. Санкт-Петербург: РХГА, 2021].
- Roman M. Bulgakova "Master i Margarita": *dialog s sovremennost'yu: kollektivnaya monografiya*. O.V. Bogdanova. (Ed.). Sankt-Peterburg: RHGA, 2020 [Роман М. Булгакова "Мастер и Маргарита": *диалог с современностью: коллективная монография*. О. В. Богданова. (Ред.). Санкт-Петербург: РХГА, 2020].
- Yablokov, Evgenij. "Bespokojnoe «Sobach'e serdce», ili Gor'kie plody legkogo chteniya." *Oktjabr'*, 2010, no. 3: 166–177 [Яблоков, Евгений. "Беспокойное «Собачье сердце», или Горькие плоды легкого чтения." *Октябрь*, 2010, no. 3: 166–177].